

УДК 340.14

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-2-285-294

Этико-правовые вызовы прогрессивного пространства массовых коммуникаций

Калинина Е.В.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603115, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4
E-mail: ev_kalinina22@mail.ru

Аннотация. Все структурные элементы концепта «коммуникации» влияют на формирование культурно-нравственного контекста любого сообщества и отражают уровень его развития – расцвет, переходный этап или упадок. Несмотря на вовлеченность гуманитарных и общественных наук в полемику относительно определения и содержания коммуникации и коммуникативного пространства, юриспруденция не предоставляет каких-либо специфических дефиниций. Безусловно, отдельные виды общения, подпадают под правовое регулирование, однако в регулятивном механизме сохраняется огромное поле, где действуют не столько правовые, сколько этические ориентиры. Размышляя о необходимости совершенствования правового инструментария регулирования коммуникационного пространства с учетом инновационных медиатехнологий, автор приходит к выводу о необходимости не только активного развития морального самосознания для формирования нравственного поведения индивидов в информационной среде, но и применения междисциплинарного подхода в коллаборации с представителями различных сфер (правоведами, социологами, психологами, политологами, филологами и др.) для разработки действенного гибридного механизма управления прогрессивным пространством массовых коммуникаций.

Ключевые слова: коммуникация, прогрессивное пространство массовых коммуникаций, этика массовых коммуникаций, социальные сетевые сервисы, государственное регулирование медиапространства

Для цитирования: Калинина Е.В. 2023. Этико-правовые вызовы прогрессивного пространства массовых коммуникаций. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 285–294.
DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-285-294

Ethical and Legal Challenges of the Progressive Space of Mass Communications

Evgenia V. Kalinina

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
4 Ashkhabadskaya St, Nizhny Novgorod 603115, Russia
E-mail: ev_kalinina22@mail.ru

Abstract. All structural elements of the concept of "communication" influence the formation of the cultural and moral context of any community and reflect the level of its development - flourishing, transitional stage or decline. Despite the involvement of the humanities and social sciences in the controversy regarding the definition and content of communication and the communicative space, jurisprudence does not provide any specific definitions. Of course, certain types of communication fall under legal regulation, but a huge field remains in the regulatory mechanism, where not so much legal as ethical guidelines operate. Reflecting on the need to improve the legal tools for regulating the communication space, taking into account innovative media technologies, the author comes to the conclusion that it is necessary not only to actively develop moral self-awareness for the formation of moral behavior of individuals in the information environment, but also to apply an interdisciplinary approach in collaboration with representatives of various fields (lawyers, sociologists, psychologists, political scientists, philologists, etc.) for development of an effective hybrid mechanism for managing the progressive space of mass communications.

Keywords: communication, progressive space of mass communications, mass communication's ethics, social networking services, governmental regulation of mediaspace

For citation: Kalinina E.V. 2023. Ethical and Legal Challenges of the Progressive Space of Mass Communications. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(2): 285–294 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-285-294

Введение

Поиск оптимальной модели личной и коллективной безопасности лежит в основе любых социальных, политических, правовых и иных трансформаций. На протяжении предшествующих тысячелетий создавались стратегии обеспечения стабильного существования народов на отдельно взятых территориях в определенных геополитических регионах. Технический прогресс в комплексе с глобализационными процессами усложнили эту задачу, сгенерировав пространство, не стесненное физическими границами территории государств, что породило множество вызовов и угроз, которые сложно преодолеть ресурсами какой-то одной сферы, например, права. И на внутригосударственном уровне, и на международном выявилось множество идеологических, технических, системных и иных препятствий для урегулирования отношений в этом инновационном, с трудом контролируемом пространстве. Государства и международные организации за последние десятилетия разработали множество нормативных документов, призванных снизить риски, связанные с информационными потоками и их потенциалом как инструмента формирования общественного мнения. Регулярно публиковались стратегии национальной безопасности и доктрины информационной безопасности; на площадке ООН обсуждались и выработывались правила добросовестного поведения субъектов международного права в информационном пространстве, а информационное противоборство лишь усугубляется, приобретая в свой арсенал все новые инновационные орудия внутри- и внешнеполитической борьбы.

Параллельно с формированием информационных технологий распространялась и насаждалась «упрощенная» модель идей свободы слова, права индивидов и общества на информацию и ее распространение, не обремененные фокусировкой на ответственности за последствия реализации этих прав. Таким образом, в качестве основной проблемы можно рассматривать когнитивный диссонанс декларируемых информационных прав и свобод и информационно-психологической безопасности личности и общества.

Анализируя специфику феномена коммуникации на современном этапе, можно выявить следующие вызовы информационного обмена как элемента коммуникативного пространства: 1) качество передаваемой информации; 2) средства выражения и передачи информации; 3) верификация распространяемых сведений; 4) манипулятивный потенциал информации; 5) социально-политический эффект воздействия и риски коллективной информационно-психологической безопасности; 6) недостаточность правовых регуляторов «экологии» информационного пространства; 7) необходимость междисциплинарного подхода к формированию комплекса эффективных регулятивных механизмов; 8) ответственность (моральная и юридическая) акторов коммуникативного пространства; 9) достаточный уровень правосознания общества и его правовой культуры, необходимый для эффективности систем безопасности; 10) развитое критическое мышление индивидов; сформированная устойчивость к манипулятивному воздействию.

Кроме того, отдельную проблему представляет необходимость совершенствования терминологического аппарата, относительно четко и информативно детерминирующего вновь появляющиеся вызовы и угрозы, поскольку без определения параметров допустимости и недопустимости невозможно выбрать эффективные методы управления рисками.

Содержание и специфика концептов коммуникации и пространства коммуникаций (коммуникативное пространство). Соотношение последнего с родственными понятиями

Общение как необходимый элемент взаимодействия формировалось параллельно с развитием живых существ и являлось показателем уровня их развития. В силу этого природа человеческой коммуникации не может не быть отражением природы индивидов и сообществ.

Исследование идеи коммуникации имеет давнюю историю, однако, как ни парадоксально, до сих пор не выработано единообразного определения ни самого понятия «коммуникация», ни ее трансграничного пространства. В отношении последнего в различных источниках и специальной литературе зачастую используют характеристики «коммуникативное», «информационное», «медиапространство» и прочие. Отчасти это объясняется тем, что в поиск оптимальных определений вовлечены представители разных наук, которые, даже ссылаясь на коллег из иных научных специальностей и направлений, рассматривают искомые явления под углом зрения, свойственным их собственной сфере. Так, для филологов и лингвистов наиболее значимыми являются сами инструменты передачи информации: знаки, символы, образы. Социологи и психологи исследуют «рычаги» влияния информации на индивидов и «триггеры», активирующие потенциальные социальные последствия. Политологи рассматривают информацию как средство формирования общественного мнения, политического взаимодействия и борьбы. Правоведы же более озабочены установлением рамок допустимого оборота информации, правовых последствий свободы доступа к ней и распоряжения ею. При таком раскладе формулировки дефиниций коммуникативного контента, а, следовательно, и пространства коммуникаций будут содержать различные наборы признаков, находящихся в фокусе внимания отдельно взятых наук. В результате инновационные сферы, с трудом поддающиеся регулированию в силу недостаточной изученности и завуалированности потенциальных последствий для социума, в целом нуждаются именно в междисциплинарном подходе к созданию общей *коммуникативной стратегии*, основанной на признанных духовно-нравственных ценностях, на базе которой будут строиться актуализированные этико-правовые конструкции для различных областей взаимодействия. В первую очередь, в интересах коллективной безопасности следует оптимизировать коммуникативное поле публичных отношений (например, информирование населения о принимаемых властями решений и их целесообразности во избежание распространения искаженных интерпретаций, предлагаемых внешнеполитическими оппонентами; характер и способы подачи информации в СМИ и прочее).

По справедливому замечанию профессора Осиповой [2015, с. 129], потребность в уточнении пространственного содержания коммуникации возникает с техническим прогрессом и процессами глобализации, которые не только преодолели физические территориальные барьеры, но и устранили многие культурные и иные препятствия.

Поскольку коммуникация является предметом изучения разных наук, было сформулировано множество определений пространства коммуникаций, которые были сгруппированы в зависимости от основных схожих характеристик. Не углубляясь в это многообразие, хотелось бы упомянуть некоторые известные подходы к пояснению сути искомого явления: пространство коммуникаций как вид информационного пространства, формируемого самими его активными участниками [Почепцов, 2001]; пространство коммуникаций как территория, среда взаимодействия, имеющая географические и социокультурные границы [Шарков, 2005]; как когнитивно-дискурсивная среда [Гаспаров, 1996, с. 295]; как проксемическое пространство [Крейдлин, 2000, с. 12]; как среда, воспроизводящая «целиком весь жизненный мир» [Хабермас, 2003, с. 309] и другие.

Кроме того, такой атрибут коммуникации и коммуникативного пространства, как *информация*, также трактуется неоднозначно, что приводит к усложнению исходных дефиниций.

Тем не менее в содержании концепта коммуникации можно выделить следующие характерные черты: количество субъектов коммуникации – два и более; суть коммуникации – обмен информацией (знаки, символы, образы, способные изменять представление человека об окружающем мире, формируя определенную нравственную программу) и ее различные когнитивные преобразования; сущность коммуникации – социально-значимая; средства коммуникации – вербальные и невербальные / звуковые и визуальные.

Коммуникативное пространство, соответственно, может восприниматься как некая среда – реальная и/или виртуальная, внутри которой происходит информационный обмен. Тем не менее то же самое можно сказать и об информационном пространстве, медиапространстве и пространстве массовых коммуникаций. Их объединяет то, что они по сути являются «площадкой» для оборота информационных потоков, содержание и качество компонентов которых, а также средства их донесения и способность реципиентов к восприятию позволяют судить о развитости культуры общества и его нравственных ориентиров. Не случайно некоторые исследователи в качестве синонима «коммуникативного пространства» используют понятие «социокультурное пространство» [Естрина, Дулина, 2007, с. 14].

На наш взгляд, термин «коммуникативное пространство» является наиболее полным, включая в себя не только элемент обмена информацией, его средств, стратегий, тактик, технологий, но и инструменты оценки нравственных ориентиров общества, уровня правосознания и правовой культуры его представителей. С другой стороны, слишком большой смысловой охват термина «коммуникативное пространство» не позволяет продемонстрировать достаточность имеющихся практик управления информационными потоками и привлечения к ответственности тех, кто нарушает общепризнанные этические и правовые установки. В этой связи использование понятий «информационное пространство» и «медиапространство» представляется более конструктивным. Тем не менее мы все же периодически будем возвращаться к концепту коммуникативного пространства в качестве социально-правового поля, объединяющего физическое и виртуальное пространства. При этом в последнее переносятся все характерные закономерности меняющегося общества, учитываются и порой эксплуатируются его психологические особенности, что создает определенные сложности для оптимизации механизма правового регулирования разных типов коммуникации. Кроме того, реализация современных принципов так называемых цивилизованных народов нередко затрудняется нравственной незрелостью отдельных представителей того или иного общества. Так, обеспечение свободы слова и права на информацию, которыми нередко злоупотребляют, сталкивается с проблемой поддержания порядка и коллективной безопасностью. Поэтому, для уточнения проблемных зон регулирования информационных потоков, нами также предлагается к рассмотрению категория «*прогрессивное пространство массовых коммуникаций*», которое по содержанию ближе к понятию «медиапространство», но с фокусом на использование инновационных аппаратных и социально-психологических технологий, нередко применяемых и в качестве инструментов социальной инженерии, и формирующих специфический вид реальности – медиареальность [об этом подробнее см.: Коробова, 2017].

Традиционно представители гуманитарных и общественных наук, как отмечалось выше, поясняют коммуникацию как воздействие коммуникатора на реципиента. Однако, если подойти к искомой проблеме с точки зрения юриспруденции, то можно представить коммуникативную ситуацию в виде общественного отношения, в котором коммуникатор воздействует на получателя информации, сознательно или подсознательно формируя предпосылки для ожидаемых/прогнозируемых последствий. В итоге коммуникантов оказывается как минимум два, и это лишь в ситуации с «краткосрочной программой» действий. Чаще коммуникативная ситуация предполагает отсроченные результаты, следовательно,

прямых и опосредованных коммуникаторов и реципиентов окажется больше. Причем реципиенты при распространении информации переходят в разряд ее коммуникаторов.

Пространство массовых коммуникаций, как и любая сфера, сгенерированная социумом, отражает его ценностные ориентиры, совокупность «героев» и «антигероев» [Иванова, 2021], что позволяет судить об уровне самосознания, правосознания и правовой культуры, о степени защищенности от внешнего и внутреннего деструктивного воздействия и высказывать прогнозы о жизнеспособности и стабильности такой общности. Кроме того, в современном мире образ государства и его внешнеполитических оппонентов активным образом формируется и переформатируется именно в среде массовых коммуникаций [Шмелева, Каминченко, 2019; Кужелева-Саган, 2022].

Правовое регулирование пространства прогрессивных массовых коммуникаций: pro et contra

Последние десятилетия в российских и зарубежных СМИ активно обсуждается вопрос государственного регулирования медиасферы. При этом в последнюю сейчас включаются не только средства массовой информации в традиционном понимании, но и инновационные (прогрессивные) технологии, например, социальные сетевые сервисы.

В научном национальном и зарубежном дискурсе проблема пределов государственного вмешательства в массовые коммуникации [Рачков, 2015; Панкеев, Тимофеев, 2020] и в частности в функционирование социальных медиа вызывает существенный резонанс. И речь идет не только об обсуждении потенциала и роли СМИ в политической жизни общества [Юферева, 2017; Крыштановская и др., 2018] и предоставлении медиаресурсам возможности саморегулирования [Сбруева, 2011], но и о контроле за содержанием контента [Рябченко и др., 2018].

Фукуяма и Гротто [Fukuyama, Grotto, 2020] представили обстоятельный сравнительный анализ правового регулирования медиасферы в США и Европе, обозначив актуальные вызовы и дилеммы, носящие закономерный характер. Некоторые западные исследователи высказываются категорически против государственного регулирования прогрессивной коммуникативной сферы [Rozgonyi, 2018]. В основном критические замечания сводятся к тому, что вмешательство государства в медиaprостранство противоречит принципам демократии. Тем не менее профессор Йельской Школы права Бэлкин [Balkin, 2021, p. 96], рассуждая о целесообразности регулирования социальных медиа, породивших специфическую «цифровую публичную среду», полагает, что это необходимо для оздоровления цифрового пространства и обеспечения действительной свободы слова, «культурной и политической демократии» и распространения знаний.

Отдельные авторы делают оговорку о допустимости правового регулирования контента социальных медиа на предмет террористической угрозы, однако, по их мнению, в отношении таких явлений, как «язык ненависти» или fake news, это неприемлемо, поскольку подобные вопросы находятся за пределами правовой юрисдикции [Samples, 2019].

Коммон [Common, 2022, p. 2] констатирует изменение отношения к социальным медиа за последние годы: в научных публикациях и прессе десятилетней давности выражался оптимизм по поводу развития социальных медиа как демократических средств, однако в последние годы все чаще слышны скептические и даже предостерегающие отзывы. Именно в социальных сетях подогреваются скандалы, получают поддержку деструктивные и террористические движения. Более того, Коммон полагает, что сетевые социальные ресурсы активно используются государствами с недемократическими режимами.

Учитывая факт, что многие медиаресурсы государству не принадлежат, сложно найти баланс между интересами государства, реализацией им своих функций как коллективного субъекта и индивидуальными правами и свободами. В этой связи профессор Бэлкин пред-

лагают следующие шаги: совершенствование 1) антимонопольного и конкурентного законодательства; 2) законодательства о защите прав потребителей и приватности; 3) хрупкого равновесия правил иммунитета и ответственности медиаресурсов [Balkin, 2021, p. 71].

На основании вышеизложенного оптимальным представляется гибридный вариант управления прогрессивным коммуникативным пространством, включающий три компонента: 1) государственное регулирование, 2) саморегулирование СМИ, 3) общественный контроль. Только такая конструкция обеспечит необходимый комплекс «сдержек» и «противовесов».

Подводя итог изложенной полемике, признаем, что у научно-технического прогресса имеется и иная сторона. Вопреки частым отсылкам к принципам гуманизма, технологическое общество, какие бы его масштабы мы ни имели в виду, демонстрирует явные признаки «расчеловечивания». Инновационные средства создания и распространения информации позволяют индивидам получить доступ к аудио- и видеоматериалам, запечатлевшим самые интимные, неприглядные, а порой и трагичные моменты жизни иных людей. По справедливому замечанию профессора Дзялошинского, Интернет переполнен роликами, демонстрирующими акты насилия и унижения, призывами к деструктивному поведению [2013, с. 65]. Объем получаемых сведений, дистанцированность и анонимность потребителя информации приводят со временем к обезличиванию индивидуального опыта, и человеческие страдания воспринимаются массами, которых подобные проблемы ранее не затрагивали, в лучшем случае равнодушно.

Учитывая подобную динамику, мы можем понять, почему именно сетевые социальные ресурсы становятся самым востребованным инструментом управления массами. Новые технологии позволяют с легкостью формировать сообщества и группы внутри сообществ, расслаивая социальные образования на множество секторов, находя для каждого сектора специфические, основанные на психологических, экономических социально-бытовых и иных нюансах точки воздействия, что и определяет выбор наиболее эффективных средств манипуляции массовым сознанием.

В каждом из таких сообществ вырабатывается собственная коммуникативная этика. Поначалу исходным базисом является культурная и духовно-ценностная система народа, внутри которого происходит дробление на сегменты. Затем, для продвижения и насаждения новых идей, происходит развенчание прежних «вождей» и «героев», олицетворявших эпоху; осмеяние прежних устоев как архаичных и морально устаревших, а значит – «тормозящих» прогресс и процветание. Ничто не способно так быстро разрушить единство изнутри, как подрыв доверия к ценностным ориентирам. Все остальное – лишь дело времени.

Решению проблемы признания морально-нравственных ориентиров в качестве осознанного ограничителя произвола субъектов коммуникации мог бы помочь *междисциплинарный подход*. К примеру, разработка смешанной группой представителей различных гуманитарных и общественных наук концепции и стратегии коммуникативного взаимодействия, в которых лакуны правового инструментария компенсировались бы четкими этическими установками и ценностными ориентирами. Такие понятия как «справедливость», «добро», «милосердие», «ответственность», должны перестать быть «пустым звуком» и снова наполниться смыслом.

Заключение

Предлагаемые мероприятия для восстановления баланса и оздоровления «экологии» прогрессивного пространства массовых коммуникаций. В первую очередь требуется разработка междисциплинарных подходов для учета и управления общественным мнением. Увы, приходится признать, что, если сами органы власти не возьмут под контроль управление общественным мнением, это сделает кто-то другой, и сомнительно, что этот второй вариант будет действовать в целях укрепления общественного порядка. Поскольку

на данный момент необходимо изживать негативные последствия распространения псевдолиберальных идей, для начала требуются нижеследующие мероприятия.

1. *Создание контрнарративов, привлекающих внимание к специфике российского многонационального народа и обосновывающих избирательность политических, социальных, экономических, правовых и иных ориентиров.* В свое время Ш.Л. Монтескье («О духе законов») весьма убедительно пояснял, что даже самые блестящие и креативные установления одного народа могут оказаться не только бесполезными, но и порой рискованными для иной общности, так как не соответствуют ее духу. Развивая данный постулат, можно добавить, что, в частности, идеи свободы, прав человека и демократии могут быть хороши только в обществах с высочайшим уровнем правовой культуры и правосознания. В смешанных и поликультурных образованиях, где отсутствует единообразие в понимании данных дискуссионных категорий, их насаждение приведет к конфликту интересов с далеко идущими последствиями.

2. *Пересмотр механизма взаимодействия органов власти с акторами медиaproстранства и использование имеющихся успешных практик управления общественным мнением.* На смену «прямолинейным» формам воздействия на СМИ и иные коммуникационные ресурсы и их целевую аудиторию должны прийти более «деликатные технологии» влияния. Конечно, сама природа СМИ побуждает их к поиску сенсаций как наиболее действенного инструмента удержания внимания, а что, как не ошибки, промахи и упущения государственных структур являются таким социально-«взрывным» материалом. С другой стороны, квази-патриотические ресурсы также способны оттолкнуть заинтересованного индивида неприкрытыми агитационными приемами, что вызывает сомнение не только в достоверности информации, но и в том, «на кого работает» источник этой информации. На данный момент существует множество публикаций, объясняющих механизм и технологии воздействия на индивидов персонально и на целевые аудитории. Эти подходы предлагают более эффективный и долгосрочный результат и позволяют сформировать общество, устойчивое к информационному воздействию политических оппонентов.

3. *Разработка образовательных комплексов и специализированных дисциплин, направленных на совершенствование репутационных механизмов, способствующих стабилизации и повышению устойчивости ценностных ориентиров нашего общества.* Так, представляется целесообразным повсеместное введение в образовательных учреждениях всех уровней курсов медиаграмотности, отражающих этику медиaproстранства и раскрывающих психологические механизмы и инструменты воздействия на сознание и подсознание целевой аудитории акторов информационной сферы. Говорить о праве на информацию и о свободе личности можно лишь тогда, когда индивиды совершают свой выбор осознанно, понимая последствия такого выбора.

4. *Увеличение численности «информированного сообщества», устойчивого к средствам и технологиям медиаманипуляции, способным осуществлять различные формы общественного контроля,* например, контента социальных сетей и этики поведения в коммуникационном пространстве. На данный момент в соцсетях уже используются элементы такого общественного контроля и даже регулирования – пользователи ресурсов, путем выражения поддержки или, наоборот, неодобрения, могут продвигать либо пресекать использование различных цифровых продуктов. Безусловно, указанные инструменты требуют дальнейшего осмысления и проработки.

Список литературы

- Гаспаров Б.М. 1996. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., Новое лит. Обозрение. 352 с.
- Дзялошинский И.М. 2013. Этика коммуникации. Ценностные основания бизнес-этики: результаты международного исследования. М., АПК и ППРО. 194 с.
- Естрина О.В., Дулина Н.В. 2007. Социокультурное пространство: определение понятий. Человек. Культура. Общество. Волгоград. Изд.: РПК Политехник. Вып. 5: 13–15.

- Иванова Е.В. 2021. Этическая инверсия образа положительного героя современного медиaprостранства: проблема привлекательности инфернальных героев. В кн.: Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы. Сборник статей международной научной конференции (Екатеринбург, 19–21 ноября 2020 г.). Екатеринбург. Изд. Уральского университета: 234–239.
- Коробова С.Ю. 2017. Особенности массовой, межличностной и массовой Self-коммуникации в современной медиареальности. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*, 10(3): 96–101. DOI: 10.14529/psy170310
- Крейдлин Г.Б. 2000. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, РГГУ.
- Крыштановская О.В., Филиппова А.М. 2018. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети. *Социальные технологии и процессы. Вестник университета*, 6: 171–176. DOI 10.26425/1816-4277-2018-6-171-176
- Кужелева-Саган И.П. 2022. Социальные сети как пространство реализации стратегических коммуникаций и ведения меметических войн. *Коммуникология*, 10(1): 65–79. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-65-79
- Осипова Е.А. 2015. Коммуникативное пространство современного социума: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы функционирования. *Вестник АГУ*, 4(168): 128–136
- Панкеев И.А., Тимофеев А.А. 2020. Тенденции государственного регулирования российских сми: правовой аспект. *Вопросы теории и практики журналистики*, 9(2): 231–246. DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(2).231-246
- Почепцов Г.Г. 2001. Теория коммуникации. М.; Киев: Рефл-бук: Вакпер. 432 с.
- Рачков М.П. 2015. К вопросу о правовых ограничениях свободы российских средств массовой информации. *Вопросы теории и практики журналистики*, 4(2): 127–138.
- Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Мальшева О.П. 2018. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19(3): 139–162.
- Сбруева Д.В. 2011. Особенности становления и развития правового регулирования и саморегулирования средств массовой информации России (90-е годы XX века). *Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика*, 2: 90–97.
- Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне. ПЕР. с нем. М.М. Беляев и др. М., Весь мир, 416 с.
- Шарков Ф.И. 2005. Основы теории коммуникации. М., Социальные отношения. 334 с.
- Шмелева О.Ю., Каминченко Д.И. 2019. Социальные медиа как механизм формирования образа современного государства в политическом сознании россиян. *Вестник Московского государственного областного университета*, 3: 87–106. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-3-969
- Юферева А.С. 2017. Средства массовой информации как институт политической коммуникации в условиях Интернета. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, 3: 286–296.
- Balkin J.M. 2021. How to Regulate (and not Regulate) Social Media. *Journal of Free Speech Law*, 1(71): 71–96.
- Fukuyama F., Grotto A. 2020. Comparative Media Regulation in the United States and Europe. In: *Social Media and Democracy. The State of the Field, Prospects for Reform*. Publisher: Cambridge University Press: 199–219. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108890960>.
- Common M.F. 2022. Beyond the usual suspects: a taxonomy of social media regulations in countries with human rights issues, *International Review of Law, Computers & Technology*, DOI: 10.1080/13600869.2022.2043093.
- Rozgonyi K. 2018. A New Model for Media Regulation. *InterMEDIA*. April. Vol 46 Issue 1. pp.18-23
- Samples J. 2019. Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media. *Policy Analysis*, CATO Institute. April 9, (865). P. 1

References

- Gasparov B.M. 1996. Jazyk, pamjat', obraz. *Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya*. [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. М., Novoe lit. obozrenie, 352 p.
- Dzjaloshinskij I.M. 2013. *Jetika kommunikacii. Cennostnye osnovaniya biznes-jetiki: rezul'taty mezhdunarodnogo issledovanija*. [Ethics of communication. The value foundations of business ethics: the results of an international study]. М., APK i PPRO. 194 p.

- Estrina O.V., Dulina N.V. 2007. Sociokulturnoe prostranstvo: opredelenie ponjatij. [Sociocultural space: definition of concepts]. Volgograd, Ed.: PKK Polytechnic. Is. 5: 13–15.
- Ivanova E. 2021. Ethical Inversion of the Image of a Positive Hero of the Modern Media Space: the Problem of Attractiveness of Infernal Heroes. In: Philosophy Today: Values, Perspectives, Meanings. Collection of articles of the International Scientific Conference (Yekaterinburg, November 19-21, 2020). Yekaterinburg, Ed. Ural University: 234–239. (In Russian).
- Korobova S.Ju. 2017. Osobennosti massovoj, mezhlchnostnoj i massovoj Self-kommunikacii v sovremennoj mediareal'nosti. [Features of mass, interpersonal and mass Self-communication in modern media reality]. Bulletin of SUSU. *Psychology Series*, 10(3): 96-101. DOI: 10.14529/psy170310
- Krejdlin G.B. 2000. Nonverbal semiotics in its relation to verbal. Autoref. dis. ... Doctor of Philology. sciences. Moscow, RSUH. (In Russian).
- Kryshchanovskaya O.V., Filippova A.M. 2018. Research of political communications: the state and social media. *Vestnik universiteta*, 6: 171–176. DOI 10.26425/1816-4277-2018-6-171-176. (In Russian)
- Kuzheleva-Sagan I.P. 2022. Social Networks as a Space for the Implementation of Strategic Communications and Waging Memetic Wars. *Communicology*, 10(1): 65–79. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-65-79. (In Russian).
- Osipova E.A. 2015. Communicative space of modern society: scientific approaches to the understanding and actual problems of the functioning. *Vestnik AGU*, 4(168): 128–136. (In Russian).
- Pankeev I.A., Timofeev A.A. 2020. Trends in state regulation of Russian mass media: a legal aspect. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 9(2): 231–246. DOI 10.17150/2308-6203.2020.9(2).231-246. (In Russian).
- Pochepcov G.G. 2001. Theory of communication. M. Kiev: Refl-buk: Vakper. 432 p. (In Russian).
- Rachkov M.P. 2015. To the question of legal restrictions on the freedom of Russian media. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 4(2): 127–138. (In Russian).
- Ryabchenko N. A., Katermina V. V., Gnedash A. A., Malysheva O. P. 2018. Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of the analysis and research practices. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 19(3): 139–162. (In Russian)
- Sbrueva D.V. 2011. Legal regulation's and self-regulation's features of formation and development in Russian mass media (90th years of the XXth century). *Vestnik RUDN, serija Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2: 90–97. (In Russian).
- Habermas Ju. 2003. Philosophical discourse on modernity. Translation from German M.M. Belyaev et al. M., The whole world, 416 p. (In Russian).
- Sharkov F.I. 2005. Fundamentals of the theory of communication. M., Social relations. 334 p. (In Russian).
- Shmeleva O.Yu., Kaminchenko D.I. 2019. Social media as a mechanism for the formation of the image of the modern state in the political consciousness of Russians. *Bulletin of Moscow Region State University*, 3: 87–106. DOI: 10.18384/2224-0209-2019-3-969 (In Russian)
- Yufereva A.S. 2017. Mass media as an institute of political communication in the context of the Internet. *Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga State University*, 3: 286–296.
- Balkin J.M. 2021. How to Regulate (and not Regulate) Social Media. *Journal of Free Speech Law*, 1(71): 71–96.
- Fukuyama F., Grotto A. 2020. Comparative Media Regulation in the United States and Europe. In: Social Media and Democracy. The State of the Field, Prospects for Reform. Publisher: Cambridge University Press: 199–219. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108890960>.
- Common M.F. 2022. Beyond the usual suspects: a taxonomy of social media regulations in countries with human rights issues, *International Review of Law, Computers & Technology*, DOI: 10.1080/13600869.2022.2043093.
- Rozgonyi K. 2018. A New Model for Media Regulation. *InterMEDIA*. April. Vol 46 Issue 1. pp.18-23
- Samples J. 2019. Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media. *Policy Analysis*, CATO Institute. April 9, (865). P. 1

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 19.01.2023
Поступила после рецензирования 10.03.2023
Принята к публикации 25.03.2023

Received January 19, 2023
Revised March 10, 2023
Accepted March 25, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калинина Евгения Валерьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia V. Kalinina, Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Russia